

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

Чингиз Абдуллаев

Человеческая жизнь и раньше недорого стоила, а сейчас вообще ничего не стоит. У кого появляется хоть немного денег, нанимает убийцу, какого-нибудь бомжа или отставного военного, и за несколько тысяч долларов решает свои проблемы...

Отравитель

ЭКСМО

Чингиз Акифович Абдуллаев

Отравитель

Серия «Дронго», книга 78

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=184298
Чингиз Абдуллаев. Отравитель: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-36864-8*

Аннотация

В Москве при загадочных обстоятельствах погибает арабский олигарх Вилаята Ашрафи, владелец мощной строительной компании. Тайну его смерти в течение нескольких месяцев пытались разгадать ведущие мировые криминалисты, однако эти попытки не увенчались успехом... Вилаята один вошел в свою квартиру, заперся изнутри и почти сразу же умер. Медики установили: олигарх был отравлен, но кем, чем, как и когда – неизвестно... Партнеры Ашрафи, наслышанные о выдающихся способностях знаменитого эксперта-аналитика, обращаются к Дронго с последней надеждой. Но тот не спешит браться за расследование – такие преступления нужно раскрывать по горячим следам. Однако когда его посвящают в курс дела, он меняет свое решение – уж больно заманчиво все выглядит. Но задание оказалось опаснее, чем он думал: преступник уже приготовил порцию своего таинственного яда для любого, кто попытается выйти на его след...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	18
Глава третья	32
Глава четвертая	43
Глава пятая	54
Глава шестая	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Чингиз Абдуллаев

Отравитель

Учитель говорил: «Лишь тот, кто человечен, умеет и любить людей, и испытывать к ним отвращение».

Конфуций, «Там, где человечность»

В душе Уормолда шевельнулось желание извиниться, но он повернулся и вышел. Дойдя до конца коридора, он бросил взгляд назад – черная фигура стояла на коленях возле черной собаки, над ними, весь в белом, склонился шеф-повар, а рядом, словно плакальщицы возле свежей могилы, застыла кухонная прислуга; они держали мочалки, кастрюли и тарелки, точно венки. «Моя смерть, – подумал он, – была бы куда менее торжественной».

Грэм Грин, «Наш человек в Гаване»

Глава первая

На улице было холодно. Он посмотрел в окно и нахмурился. Собственно, он прилетел в Баку только сегодня утром. Прилетел на несколько дней, чтобы навестить родных. В Москве вчера была достаточно теплая погода. И это несмотря на начало декабря. Говорили, что подобные аномальные зимы бывают раз в пятьдесят или в сто лет. А в Баку, где

по логике должна была быть еще более теплая погода, была холодно и ближе к вечеру даже пошел мокрый снег, что было уже совсем некстати. Он закрыл жалюзи, задернул занавески. Огляделся. Собственно, этот трюк самовнушения он придумал для себя еще много лет назад. Создав две абсолютно идентичные квартиры в Москве и в Баку с одинаковой планировкой, одной и той же мебелью, техникой, ремонтом, даже обои и люстры закупились в одних и тех же магазинах. Книжные полки с такими знакомыми книгами. Постельное белье, кухонная посуда, даже полотенца, висевшие в обоих ваннах комнатах. Только картины раньше выдавали разнообразие квартир, но он нашел хорошего художника и сделал копии своих картин в Москве и в Баку. Теперь обе квартиры выглядели как образцовые близнецы, одетые в одну и ту же одежду, причесанные и постриженные по одной и той же моде.

Дронго вернулся в свой кабинет. Странно, что здесь сегодня так холодно. Говорят, будто холодные массы вторглись через Турцию. Обычно в Баку погоду определяли циклоны и ветры с севера. И если в Москве было тепло, то и в Баку через несколько дней становилось теплее обычного, а если с севера шла холодная погода, то на Апшероне становилось прохладнее. Конечно с большими поправками на местную амплитуду температур, когда тридцать или сорок градусов тепла по Цельсию считались почти нормальной температурой, а близкая к нулю холодная погода была аномальной.

Он включил компьютер, просматривая последние новости. Взглянул на часы. Скоро должны выйти новости на одном из телевизионных каналов. Нужно будет включить телевизор. В этот момент позвонил телефон. Он недовольно посмотрел на аппарат – один из его мобильных. К счастью, это был не тот телефон, по которому звонили только очень близкие люди. Но и этот номер не должны были знать посторонние. В последнее время он довольно часто менял свои номера, однако этот был местным и его могли узнать. На всех своих аппаратах он убрал привычные мелодии, оставив только обычные телефонные звонки. Ему казалось неестественным, когда телефоны громко играли какие-то популярные мелодии. Вполне достаточно обычного телефонного звонка, считал Дронго. Оставалось быстро решать – стоит ли ему ответить или нет. Он немного подумал и протянул руку.

– Я вас слушаю.

– Добрый вечер, – услышал он незнакомый мужской голос, – мне сказали, что я могу называть вас господином Дронго? Или вы предпочитаете другое обращение?

– Меня обычно так называют, – подтвердил он.

– Очень хорошо. Хотя мы узнали и ваше полное имя. С вами хочет переговорить господин Тагиев, – сообщил позвонивший.

– Подождите, – мрачно произнес Дронго, уже жалея, что ответил на этот звонок. – Сначала представьтесь сами, а потом сообщите, кто такой господин Тагиев. И кто это «мы»?

– Я сотрудник Кабинета министров, – сообщил позвонивший, – моя фамилия Мамедов, а господин Тагиев – это наш заведующий отделом. Джафар Алекскерович Тагиев. Он хочет с вами переговорить.

– Очень приятно. Осталось узнать, хочу ли я с ним разговаривать, – пошутил Дронго.

– Что? – не понял позвонивший. Ему и в голову не могло прийти, что кто-то может отказаться разговаривать с самим заведующим отделом Кабинета министров.

– Ничего. Соединяйте с вашим Тагиевым, – весело разрешил Дронго.

Он подумал, что давно отвык от подобных мелких церемониальных особенностей, которые так ценились на Востоке. Через минуту он услышал в трубке еще более солидный голос:

– Говорит Тагиев. Скажите, как мне к вам обращаться?

Имя Дронго их очевидно нервировало. Несолидно заведующему отделом Кабинета министров звонить человеку с такой птичьей кличкой. Нужно представляться по всей форме. По имени и отчеству.

– Меня обычно называют Дронго, – повторил он, – но если вам так будет удобнее, можете обращаться ко мне по фамилии. Вы ведь ее наверняка знаете.

– Так будет лучше, – согласился Тагиев, – дело в том, что у нас к вам очень важное дело. Я выполняю поручение самого вице-премьера. Вы меня понимаете?

– Прекрасно понимаю. А почему сам вице-премьер не мог мне позвонить?

– Что вы такое говорите? – даже испугался Тагиев. – Сам вице-премьер и будет звонить вам? Как вы себе это представляете?

– Очень легко. Возьмет телефон и позвонит. Я не думаю, что в этом случае произойдет нечто страшное.

– Не нужно так шутить, – попросил Тагиев, – у нас к вам очень важное дело.

– Просто я подумал, что такая цепочка только мешает. Сначала мне звонит ваш референт, который торжественно сообщает, что со мной будет говорить заведующий отделом, потом звоните вы и не менее торжественно сообщаете, что разговариваете со мной, выполняя поручение самого вице-преьера. Но если вы полагаете, что так вам будет удобнее, то можете сообщить, зачем я вам понадобился.

– Это не телефонный разговор, – быстро сказал Тагиев, – у меня есть поручение, и я должен срочно с вами встретиться.

– Раз такое поручение, то конечно нужно встретиться. Кстати, кто вам дал номер моего мобильного телефона?

– Сотрудники Министерства национальной безопасности, – сообщил Тагиев, – они и сообщили нам о вашем приезде в Баку. Мы так долго вас ждали...

– Интересно, откуда у них мой телефон? – иронично спросил Дронго. – Я только недавно его поменял и еще никому не успел передать этот номер. А они уже смогли его вычис-

лить. Может, в следующий раз мне брать телефон на другое имя, как вы считаете?

– Не поможет, – очень серьезно ответил Тагиев, не понявший сарказма своего собеседника, – если захотят, то все равно быстро вычислят. Это не так сложно. И вы все равно должны пересекать государственную границу, когда въезжаете в Азербайджан, а значит, ваше присутствие будет зафиксировано.

– Похоже, вы правы, – согласился Дронго. Разговаривавший с ним чиновник даже не понял, что его таким образом еще и проверяли. – Итак, чем я могу быть полезен такому важному должностному лицу, как ваш шеф?

– Не ему, – быстро ответил Тагиев, – вы нужны даже не ему.

– Сейчас выяснится, что и он в свою очередь передал чье-то поручение. Неужели премьер-министр или президент дали такое поручение вице-премьеру?

– Не нужно так говорить по телефону, – попросил Тагиев, – если разрешите, я к вам приеду. Прямо сейчас.

– Адрес вы, конечно, знаете, – не унимался Дронго.

– Конечно. Он у меня на столе, – ответил Тагиев, – я буду у вас через двадцать минут. До свидания.

«Самое интересное, что он даже не спросил, хочу ли я видеть его у себя дома, – подумал Дронго. – Кажется я давно не был в Баку, начинаю отвыкать от этих восточных церемоний, полупонамеков и полужестов. В Европе все гораздо рациональ-

нее, а в Москве все гораздо прозаичнее. Может так и нужно. У каждой страны свой менталитет и свои особенности. Ведь итальянцев никогда не спутаешь с немцами, а французов с англичанами. А ведь это народы-соседи».

Он отправился в спальную комнату переодеваться. Тагиев оказался почти пунктуален. Ровно через двадцать одну минуту он уже стоял за дверью. Это был мужчина средних лет, среднего роста и довольно заурядной внешности, если не считать сросшиеся брови и высоко поднятую голову, очевидно позволявшую ему так нести свое тщедушное тело. Он строго взглянул на хозяина квартиры, который был выше его на две головы, пожал ему руку и прошел в квартиру. В холле он остановился, посмотрел по сторонам и начал снимать обувь. Дронго усмехнулся. Он никогда не просил гостей снимать обувь, но Тагиев свято чтит местные традиции, не позволявшие входить в квартиру в грязной обуви.

– Есть тапочки, – показал Дронго на две пары запасных тапочек. Тагиев надел одну из них. В этих тапочках он выглядел не столь напыщенно, а даже наоборот, скорее смешно. Тапочки были на пять или шесть размеров больше его ноги.

Они прошли в гостиную. Тагиев посмотрел на диван и шагнул к креслу. Здесь он присел на краешек, чтобы ноги доставали до пола. Дронго уселся в другое кресло.

– Может, чай или кофе? – предложил он гостю. Было понятно, что спиртного лучше не предлагать.

– Нет, спасибо, – вежливо ответил Тагиев, – ничего не нужно. У меня к вам очень важная беседа. По поручению нашего вице-премьера.

– Это вы уже говорили. И насколько я понял, он тоже выполняет чье-то поручение или просьбу.

– Да, – кивнул Тагиев, – это исключительно важное дело. И мне предложили встретиться с вами, чтобы переговорить по этому вопросу.

«Как они любят свой чиновничий язык», – подумал Дронго, а вслух произнес: – Давайте более конкретно. Чем я могу быть полезен вашему вице-премьеру?

– Нашему вице-премьеру, – поправил его Тагиев.

– И с этим я тоже согласен. Чем я могу вам помочь? Или нам помочь?

– Вы известный эксперт по проблемам преступности, – быстро произнес Тагиев, – и о ваших успехах известно во всем мире...

– Давайте оставим мою популярность в покое. Иначе я подумаю, что вы пришли за автографом для нашего вице-премьера. Я бы хотел, чтобы мы говорили конкретно, по существу.

– Конечно, конечно. – Тагиев обернулся, словно их могли подслушать, и наконец начал рассказывать. – Дело в том, что мы сейчас заключили большой контракт с Туркменией. Очень крупный контракт, который позволяет нам участвовать в совместных разработках нефтяных месторождений на

Каспии.

– С чем я вас и поздравляю.

– С туркменской стороны в разработке участвует английская «Бритиш Петролиум».

– Можно подумать, что с нашей стороны она не участвует?

– Конечно участвует. Там задействованы интересы и российской компании «ЛУКОЙЛ». Вы ведь понимаете, что без участия России невозможно было обойтись.

– Примерно представляю.

– Там задействовано еще несколько компаний и очень крупная строительная фирма из Египта, которая разрабатывает всю документацию. Глава фирмы сам Аббас Ашрафи Мостоуфи. Может, вы слышали о знаменитой семье Ашрафи, потомках самого Надир-шаха. У них были тюркские, фарсидские, афганские корни. Семья Ашрафи была одной из самых богатых династий при прежнем шахском режиме Реза Пехлеви в Иране. Но в семьдесят девятом году произошла исламская революция. Глава семьи, отец Аббаса – Мовсум Ашрафи Мостоуфи и его два брата переехали сначала в Иорданию, а затем и в Египет. Другие два младших брата остались жить в Иране.

В Египте Мовсум Ашрафи был хорошо известен, его супруга была родственницей супруги Анвара Саадата, тогдашнего президента Египта. Довольно быстро строительная фирма Ашрафи стала получать лучшие государственные заказы. Более того, пользуясь своими многочисленными свя-

зиями в Европе и в Америке, Мовсум Ашрафи сумел открыть свои филиалы в Голландии, Великобритании, а затем и в США. В девяносто четвертом он умер, передав дело старшему сыну – Аббасу, который сумел продолжить бизнес своего отца.

– Прекрасная семья, – согласился Дронго, – сбежали от революции и смогли не только сберечь свои активы и свое состояние, но и развернуть собственное большое дело. Это я все понял. Но не совсем понятно, какое отношение имеет семья Ашрафи ко мне лично?

– Я вам сейчас поясню, – ответил Тагиев. – Дело в том, что три месяца назад был убит младший брат Аббаса Ашрафи. Сначала все полагали, что это несчастный случай или банальное отравление. Но экспертиза подтвердила, что это было убийство. Вот уже три месяца следователи российской прокуратуры пытаются найти возможного убийцу, но пока ничего не смогли выяснить. Более того, они даже не понимают, как могло произойти это отравление. Господин Аббас Ашрафи даже приглашал для расследования частного детектива из Голландии, но и тот ничего не сумел выяснить.

– Прошло три месяца, – напомнил Дронго, – такие преступления нужно раскрывать по горячим следам. Каким образом можно вычислить возможного убийцу через три месяца?

– Так все и говорят, – согласился Тагиев, – но господин Аббас Ашрафи Мостоуфи очень настойчивый и целеустрем-

ленный человек. Он узнал, что есть известный эксперт, который может расследовать это преступление. И уникальность этого эксперта состоит в том, что он знает фарсидский и русский языки...

– Уже горячее, – сказал Дронго, – насколько я понял, речь идет обо мне.

– Да, – кивнул Джафар Тагиев, – он хочет знать, кто, зачем и каким образом убил его младшего брата. Он искал подходящего частного детектива по всему миру, пока ему не сказали про вас. Дело в том, что само убийство произошло в Москве. Голландскому сыщику трудно понять менталитет и нравы современных россиян, а вы ведь живете в Москве.

– Еще чаще в Риме или в Баку.

– Но и в Москве тоже, – возразил Тагиев, – по просьбе господина Аббаса Ашрафи наш вице-премьер позвонил в Министерство национальной безопасности, и они дали нам подробную справку на вас. Вы считаетесь одним из лучших специалистов в области... – Он немного запнулся и затем продолжил: – В области... расследования особо тяжких преступлений...

– Вы не юрист, – понял Дронго, – а я думал, что такую миссию должны доверить руководителю юридического отдела.

– Я заведующий строительным отделом, – подтвердил Тагиев.

Он смущенно откашлялся и продолжал:

– Вы понимаете, как для нас важно сотрудничество с компанией, которую возглавляет Аббас Ашрафи Мостоуфи. Если хотите, это вопрос не только экономический, но и политический. Семья Ашрафи пользуется большим влиянием на всем Ближнем Востоке, у них отличные отношения с королевскими династиями Иордании, Саудовской Аравии, эмирами Кувейта. И если вы сможете им помочь, это еще более укрепит наши отношения.

– Теперь понятно. Я думаю, что не столько семья Ашрафи вышла на меня, как кто-то из наших подсказал им мою кандидатуру. Или я ошибаюсь?

– Какая разница? – спросил Тагиев. – Вы не хотите нам помочь?

– Если вы считаете, что я смогу сделать чудо, то я готов. Но учтите, что я не специалист по чудесам. У меня несколько иная специализация.

– Мы все знаем, – заерзал на месте Тагиев, – и я вам скажу, что никто не просит вас работать бесплатно. Семья Ашрафи готова выплатить вам миллион долларов за ваши труды. Считайте, что мы готовы дать еще столько же. На возможные расходы. Но вам нужно прямо завтра вылететь в Каир, чтобы встретиться с главой семьи, а уже на следующий день можете вернуться в Москву.

– Скромно и категорично, – заметил Дронго. – У меня сразу появилось много вопросов. А почему вы так уверены, что я соглашусь? Меня ведь трудно купить даже за два мил-

лиона.

– Дело не в деньгах, – нервно шевельнулся Тагиев, – дело в престиже нашего государства.

Он действительно смотрелся смешно в этих больших тапочках, которые карикатурно выглядели на его маленьких ногах.

– Престиж зарабатывается другим способом, – мрачно заметил Дронго.

– Вы отказываетесь? – нахмурился Тагиев.

– А если я не смогу найти убийцу? Вы не допускаете такую вероятность?

– Мы уверены, что вы сможете, – впервые за время разговора улыбнулся Тагиев, – говорят, что вы опытный человек и всегда сможете подсказать, кто был заинтересован в убийстве младшего брата Аббаса Ашрафи.

– У вас уже есть конкретные подозреваемые?

– Много родственников Аббаса Ашрафи остались жить в Иране, – осторожно напомнил Тагиев, – а наши южные соседи не очень заинтересованы в разработке любых месторождений на Каспии.

– Теперь понятно. Вам даже не обязательно, чтобы я нашел возможного убийцу. Вам нужно, чтобы я указал на какую-то конкретную сторону, которая была заинтересована в убийстве младшего брата хозяина фирмы. И эту сторону укажете мне вы?

– Возможно и так, – улонился от ответа Тагиев.

Во всем, что касалось его непосредственной работы, он разбирался неплохо. Остальное его просто не интересовало. Но он выполнял поручение самого вице-премьера и поэтому старался изо всех сил.

– В таком случае сделаем так, – решительно сказал Дронго. – Я готов вылететь в Каир и начать расследование. Только деньги у вас я не возьму. Мое расследование в любом случае будет объективным и честным. Если выяснится, что нужно искать заказчиков убийства совсем в другом месте, то я об этом прямо скажу. В другие игры я не играю. У меня есть свои принципы, которые я не собираюсь нарушать. Согласны?

Тагиев тяжело вздохнул. Поднялся. Протянул свое небольшую ладошку:

– Только сначала сообщите о ваших выводах нам, а уже потом им. На таких условиях мы можем договориться?

– Безусловно, – сказал Дронго, осторожно пожимая ему руку.

Глава вторая

Но лететь в Каир ему не пришлось. Он уже заказал себе билеты, чтобы прилететь в Египет через Стамбул, когда ему позвонил Тагиев и сообщил, что господин Аббас Ашрафи будет завтра находиться в Германии, и если Дронго успеет, то они могут встретиться утром в десять часов в аэропорту Мюнхена, в отеле «Кемпински». Теперь нужно было успеть. Хотя задача получилась несложной. Ночью из Баку уходил самолет во Франкфурт, который приземлялся в Германии в шесть часов утра. Чтобы перелететь в Мюнхен, оставалось еще чуть более четырех часов. Ровно в десять часов утра не выспавшийся и сосредоточенный Дронго сидел в холле отеля, когда там появилось сразу несколько мужчин. Не узнать в них иранцев было невозможно. Он поднялся к ним навстречу. Сразу двое телохранителей встали между ним и шедшим первым Аббасом Ашрафи.

– Извините, – сказал Дронго обращаясь по-английски, – у нас назначена встреча в этом отеле с господином Ашрафи.

– Подождите, – отодвинул телохранителей хозяин компании. Он был высокого роста, с крупными, резкими чертами лица. Такие лица обычно запоминаются. Темные, выразительные, немного навывкат глаза, мясистые щеки, крупный нос с горбинкой, седые волосы. Ему было немногим больше пятидесяти лет.

– Вы тот самый эксперт, о котором меня предупреждали? – спросил Ашрафи, глядя на Дронго. – Странно. Глядя на вас, я подумал, что вы итальянец. – Он протянул руку.

– Видимо, я слишком долго жил в Италии, – пошутил Дронго, пожимая руку собеседнику.

– Мне говорили, что вы знаете фарси? – перешел на фарсидский Ашрафи.

– Многие азербайджанцы понимают фарси, особенно бакинцы, – напомнил Дронго.

– Я знаю и азербайджанский, и фарси, – улыбнулся Ашрафи, – а вот на пушту не говорю, хотя официально считается, что наши предки пришли именно из Афганистана. Пойдемте, для нас забронирован зал для переговоров.

Отель «Кемпински» в мюнхенском аэропорту был своеобразным достижением стиля хай-тек, когда сам отель был словно возведен из металлических конструкций, которые заполнялись пластинками разнообразного матового стекла. Казалось, что вся конструкция может рухнуть, если вытащить несколько звеньев. На самом деле это была конструктивистская находка архитекторов.

Ашрафи и Дронго прошли в подготовленный для них зал. Сюда же вошел и мужчина средних лет. У него была большая теменная лысина, нос уточкой, тонкие губы и большие очки, придававшие облик прилежного ученика. Это был адвокат компании Муса Халил, выходец из Иордании, закончивший престижный английский вуз, стажировавшийся в американ-

ских адвокатских конторах, затем переехавший в Швейцарию и последние восемь лет работавший в компании Аббаса Ашрафи.

Разговор шел на английском, чтобы Муса Халил мог бы понять, о чем они говорили. Он не знал фарси, но зато говорил сразу на шести европейских языках, в том числе и на русском.

– Я просил найти лучшего эксперта, который помог бы раскрыть убийство моего брата, – пояснил Аббас Ашрафи, – вам уже наверно сообщили, что я готов выплатить любой гонорар за успешное расследование.

– Мне сообщили о смерти вашего младшего брата.

– Виляята убили три месяца назад в Москве, – мрачно пояснил Аббас Ашрафи, – нас четыре брата, и Виляят был самым младшим из тех, кто приехал с отцом в Египет. И наверно самым любимым. Он был совсем ребенком, когда наша семья уехала из Ирана. Может, поэтому мы все так к нему относились. Ему исполнилось только тридцать шесть, и он был на семнадцать лет моложе меня. Я его очень любил, относился к нему даже не по-братски, а по-отцовски. И я хочу знать, кто и зачем убил моего брата. Я хочу найти и наказать убийцу. И, конечно, узнать, кому понадобилась смерть Виляята. Я специально позвал сюда уважаемого Мусу Халила. Это наш адвокат, который представлял интересы нашей семьи в Москве. Он поедет вместе с вами и все вам расскажет.

– У вас есть какие-нибудь предположения по поводу убий-

ства вашего брата? Пусть даже самые нелепые, самые невероятные?

– Убийство произошло после того, как мы подключились к большому проекту на Каспии, – напомнил Аббас Ашрафи, – и здесь могут проявиться интересы каждой из сторон. Возможно, что за убийством стоят англичане, которые не захотели конкуренции с нашей стороны. Возможно, что стоят мои соотечественники, которым не нравится активное проникновение западных и не только западных компаний в эту часть Каспия. Возможно, что за убийством стоят и русские, ведь мы тоже конкуренты...

– Насколько я слышал, там принимает участие российская компания «ЛУКОЙЛ», – вставил Дронго.

– Президент которой азербайджанец, – напомнил Аббас Ашрафи, – возможно, кто-то решил, что это слишком опасно для разработки каспийского шельфа. Я ведь уже нашел одного частного детектива из Голландии, который добросовестно проверял все версии. Мне сказали, что он один из лучших профессионалов. Мы предоставили ему все возможности, он целый месяц ездил по Москве в сопровождении двух переводчиков, беседовал со всеми, с кем ему было нужно, даже со следователем, который ведет расследование. Но ни одна из возможных версий не нашла своего подтверждения. А самое неприятное, что он не смог узнать, кто и зачем убил моего брата. Мы только знаем, что его отравили. Но почему, каким образом, где, кто его заказал? Нам говорят,

что это следователь Фе... Федо... – Он запнулся, затрудняясь правильно произнести фамилию следователя.

– Следователь по особо важным делам Федосеев, – вставил Муса Халил.

– Да, верно. Следователь Федосеев имеет репутацию хорошего профессионала. Он добросовестно опросил всех, кого только было возможно, провел большую работу. Но пока ничего нет. Никаких результатов. Когда мы официально обращаемся с запросом через египетское посольство, нам отвечают в российской прокуратуре, что преступление еще не раскрыто и они ищут убийцу. Но сколько можно искать? Уже прошло три месяца.

– Иногда подобные расследования длятся годами, – сказал Дронго.

– У меня нет столько времени, – жестко отрезал Аббас Ашрафи, – я должен знать, кто был заинтересован в устранении моего брата. И сделать выводы, стоит ли мне вообще работать с этой страной, представители которой могут решиться на подобное убийство. Если это русские, то я обязан знать. Если англичане, тоже сделать соответствующие выводы. А если мои соотечественники... – Он замолчал. – Ну, это самое неприятное, что может быть.

– Ваш брат впервые поехал в Россию?

– Нет. Он курировал российское направление. Говорил, что ему даже нравится в Москве и в других русских городах. Он там бывал много раз за последние три года.

– У него была охрана?

– Конечно. С ним почти всегда был его личный телохранитель. И кто-то из сотрудников нашего филиала в Москве.

– Ваш брат говорил по-русски?

– Нет. Почти не говорил. Его родным языком был даже не фарси, а английский, он ведь вырос в Египте. Виляят все время уверял меня, что в Москве почти все, с кем он разговаривал, очень неплохо говорили по-английски.

– А арабского языка он не знал?

– Знал, конечно. Мы ведь сначала думали, что революция в Тегеране – это на год или на два. Потом все успокоится, Хомейни уйдет, и в стране восстановится либо конституционная монархия, либо республика. Кто мог тогда подумать, что исламская революция – это на целых тридцать лет. Через пять лет после революции отец приказал нам учить арабский язык. Хотя мы его проходили в нашем медресе, ведь Коран создан на арабском. Поэтому нам было легко.

– Значит, ваш брат говорил на английском, арабском и фарси?

– И еще знал французский. Он три года учился в частной школе, в Женеве. Я не совсем понимаю, какое отношение имеет знание языков Виляята к его убийству?

– Таким образом можно очертить круг возможных собеседников вашего брата. Круг его общения. Он же не мог общаться с людьми, которые не владели ни одним из этих языков.

– Верно. – Аббас Ашрафи взглянул на своего адвоката, и тот согласно кивнул. Очевидно, они раньше о чем-то подобном уже говорили.

– У вас есть еще ко мне вопросы? – спросил Аббас Ашрафи.

– Телохранитель был взят из местных жителей?

– Нет. Конечно нет. Охрана была из местных, и водители тоже были москвичи, а вот личный телохранитель приехал с ним из Египта. Тауфик Шукри. Молодой человек, чемпион страны по боксу. Он учился в Москве, хорошо знал русский язык. Когда вернулся, некоторое время работал инженером в небольшой мостостроительной компании. Говорили, что он был достаточно перспективным сотрудником. Но всегда увлекался боксом. Стал чемпионом страны, и мы решили пригласить его в качестве телохранителя. Зарплату ему платили в пять раз больше, чем он бы получал, если бы работал инженером. Он недавно женился, и у него маленькая дочь. Деньги ему были нужны, и он согласился снова отправиться в Москву.

– Я могу спросить, каким человеком был ваш брат?

– Хорошим. Он с большим уважением относился ко мне.

– Это не ответ. Мне нужно получить его характеристику. Не от вашего адвоката, а от вас. Предельно честную характеристику. Его личные качества, пристрастия, привычки. Это не для того, чтобы вы мне прочли сейчас панегирик вашему брату, а для помощи в поисках его возможного убийцы.

Аббас Ашрафи нахмурился. Очевидно, подобного вопроса перед ним не ставили. Он немного подумал и начал говорить, рассказывая о своем младшем брате:

– Он был довольно раскованным человеком, сказывалось европейское образование. Легко шел на контакты. У него всегда был большой круг друзей, среди которых были и красивые женщины. Виляят любил дорогую одежду, заказывал себе эксклюзивные часы, ездил в Европе только на «Феррари», сделанной на заказ. В работе был достаточно компетентным и настойчивым. Иногда люди обижались на него за вспыльчивый характер, но он быстро отходил. И никто не держал на него зла.

– Не очень исчерпывающе, но достаточно интересно, – подвел итог Дронго. – И последний вопрос. Где он жил, когда приезжал в Москву?

Аббас Ашрафи посмотрел на адвоката. Очевидно, подобной детали он не знал.

– Раньше мистер Виляят Ашрафи жил в отелях, – сразу сообщил адвокат, – в «Метрополе» и в «Национале». А в прошлом году начал снимать квартиру в одном из новых домов. Сказал, что ему так удобнее.

– Квартира была в новом доме? – уточнил Дронго.

– Да.

– И он там жил один?

– Насколько нам удалось узнать, да. Но туда приходила пожилая женщина, которая все убирала и чистила.

– Теперь расскажите, как его убили? – попросил Дронго, обращаясь к адвокату.

– Мы этого не знаем. Его нашли в квартире, лежащим на полу. Домработница пришла и не смогла попасть в квартиру, дверь была заперта изнутри. Перепуганная, она сразу вызвала милицию. Они вошли все вместе в квартиру и обнаружили его лежащим на полу, рядом с диваном. Сотрудники милиции позвонили в посольство Египта, ведь у семьи Ашрафи сейчас египетские паспорта. Приехали представители посольства и службы безопасности не только самого посольства, но и российской службы, как она называется...

– ФСБ, – подсказал адвокату Дронго.

– Да. Они так и сказали. Федеральная служба безопасности. Их сотрудники проверили всю квартиру. У них была такая специальная техника. Но ничего в доме не нашли. Тело отвезли в морг, хотя мы сначала даже возражали. Вы же знаете, что мусульмане неохотно дают согласие на подобное вскрытие. И по нашим законам труп должен быть предан земле до захода солнца. Или отправлен на родину. Но он был молодой и сильный человек, который никогда не жаловался на сердце. Вскрытие проводили в обычном морге. Они торопились выдать свое заключение и отдать нам тело. Самое главное, что дверь была закрыта изнутри. Поэтому патологоанатомы не стали долго проверять. Нам сообщили, что это был сердечный приступ. Но прилетевший в Москву господин Аббас Ашрафи не поверил в такую смерть. В их досточти-

мой семье никто не умирал от сердечного приступа в столь молодом возрасте. И тогда мы попросили провести повторную экспертизу с участием более опытных экспертов. По нашей просьбе тело перевезли в морг ФСБ. Оттуда нам сообщили, что это было убийство. Его отравили сильнодействующим ядом, который попал в кровь и вызывал симптомы, схожие с сердечным приступом. Поэтому милицейские врачи посчитали, что это был обычный сердечный приступ.

– Значит, его нашли в квартире лежащим на полу. А где был его телохранитель?

– Он привез его на машине к дому и подождал, пока господин войдет в подъезд. Вернее, не он сам, а их водитель, который вот уже три месяца сидит в тюрьме. Он считается главным подозреваемым, хотя непонятно, где и каким образом он мог отравить своего хозяина. Но в доме все было спокойно. Тауфик Шукри, тот самый телохранитель, довел господина Вилята Ашрафи до кабины лифта. Он обычно так и делал, не поднимаясь наверх. В самом доме, в подъезде всегда находится дежурный. Телохранитель уехал, а господин Вилят Ашрафи поднялся к себе домой. Вошел в квартиру, запер дверь и через несколько минут умер, очевидно свалившись с дивана.

– В квартиру можно было зайти каким-то другим образом, не через дверь?

– Нет, – немного снисходительно произнес адвокат, – невозможно. Квартира находится на восемнадцатом этаже.

Возможно, какой-нибудь альпинист или скалолаз мог подняться, – не удержался Муса Халил от сарказма, – но все окна были закрыты изнутри. А там двойные стеклопакеты.

– Интересно, – сказал Дронго, – а соседи на лестничной площадке были?

– Нет, – ответил за адвоката Аббас Ашрафи, – там живет какой-то русский миллионер, который почти все время проводит во Франции на своей вилле.

– Он не русский, а еврей, – вставил адвокат.

– Надеюсь, он не скалолаз, – ввернул шутку Дронго. – Судя по реплике уважаемого адвоката, вы подозревали и этого российского миллионера, который был евреем и мог не любить своего арабского соседа?

– Мы проверяли и эту версию, – кивнул, нахмурившись, Муса Халил, – но этот человек почти не появляется в Москве. Он все время живет во Франции. Только русские миллионеры могут быть такими расточительными...

– Вы уточнили, что он еврей, – улыбнулся Дронго, – а они бывают более бережливыми. Может, он иногда возвращался домой?

– Мы сумели проверить даже через паспортную службу, – ответил адвокат, – он не возвращался в Москву. И вообще никогда в жизни не видел и не разговаривал с господином Виляятом Ашрафи. Только их домработницы знали друг друга в лицо. Они приходили убирать квартиры.

– Но в той квартире напротив никого не было, когда ваш

младший брат вернулся домой? – уточнил Дронго. – Даже домработницы?

– Никого. И у моего брата в квартире была система видеонаблюдения, – с горечью сообщил Аббас Ашрафи, – любой посторонний человек, кто бы ни подошел даже к дверям, был бы сразу замечен на камере наблюдения. Мы сами просмотрели все пленки, никто не подходил даже к дверям. Но моего брата отравили.

– А если его отравили до того, как он приехал домой? В другом месте?

– Невозможно, – снова вставил Муса Халил. – Дело в том, что они были в офисе, а потом поехали за город, на выставку. Оттуда они добирались обратно примерно полтора часа. Говорят, что в Москве сейчас очень большие автомобильные пробки. Полтора часа, господин Дронго, наш уважаемый Вилаят Ашрафи сидел в машине. А затем поднялся к себе домой, где его убили.

– Почему вы думаете, что его убили именно дома? – мрачно спросил Дронго. – Его могли отравить на этой выставке или днем раньше. Почему вы так заикнулись на его квартире, ведь насколько я понял, он жил на восемнадцатом этаже и дверь была заперта изнутри. Правильно?

Аббас Ашрафи и Муса Халил переглянулись.

– Все правильно, – согласился адвокат, – но именно поэтому мы и решили найти вас, уважаемый господин эксперт. Дело в том, что повторное вскрытие показало: господин Вила-

ят Ашрафи, да примет Аллах его душу, был отравлен сильнодействующим ядом, который был введен ему за несколько минут до смерти. Вернее, за две или три минуты. А это значит, что убийство могло произойти только в квартире, которую снимал досточтимый Виляят Ашрафи. Или в машине, когда он подъехал к дому. Но почему его телохранитель не увидел, как шофер отравил своего господина? И каким образом водитель мог совершить убийство, если его хозяин сидел на заднем сиденье?

Дронго нахмурился. Это означало, что теперь он будет не просто искать убийцу, а пытаться вычислить, каким образом убийца мог совершить свое злодейство. Кажется, в его карьере уже было несколько подобных случаев.

– Мы консультировались со специалистами из французского института Пастера, – продолжал добивать его невозмутимый адвокат, – они сообщили, что с подобным ядом в крови человек может прожить от силы две с половиной или три минуты. Разница в секундах. Это не цианистый калий, который убивает за четыре секунды, но достаточно сильная смесь цианида с натрием, который в смешанном состоянии вызывает гарантированную смерть через три-четыре минуты. В зависимости от обстоятельств. А это значит, что убийца либо успел побывать в квартире, что просто невозможно, либо уйти оттуда незамеченным, что тоже нереально, либо убить в другом месте и иным способом, что противоречит научным данным всех наших экспертов. Теперь вы понима-

ете, насколько сложное и трудное дело вам поручили?

– Понимаю, – ответил Дронго, – я теперь осознал, почему вы готовы платить такие деньги за раскрытие этого преступления. Судя по всему, мы столкнулись не просто с убийцей, а с настоящим виртуозом своего дела. И я полагаю, что примерно знаю, где мне нужно начать поиски такого профессионала.

Глава третья

Эта пражская тюрьма была знаменита еще и тем обстоятельством, что в прежние годы в ней сидели особо опасные преступники. Когда государство еще называлось Чехословакией, здесь находились в заключении не только рецидивисты, грабители и убийцы, но и известные диссиденты, которые считались в те времена наиболее опасными преступниками. Однако с течением времени тюрьма была переоборудована по европейским стандартам, здесь произвели капитальный ремонт, и теперь камеры напоминали небольшие комнаты со всеми удобствами. В одной из таких камер находился и заключенный Нестор Хринюк, известный в криминальном мире России и Украины под кличкой Факир.

Когда ему сообщили, что в этот день на свидание приехал человек, которого он ждал меньше всего, Хринюк долго думал. Это тоже было в традициях европейской пенитенциарной системы, когда сам заключенный мог решать, принимать ему гостей или нет. Хринюк думал около двух часов, но наконец согласился побеседовать с приехавшим. Свидание состоялось в комнате для адвокатов, где они могли побеседовать. Увидев входившего, Хринюк удовлетворенно кивнул.

– Я не думал, что снова вас увижу, – сказал он, обращаясь к своему посетителю. – Неужели соскучились?

– Добрый день, господин Хринюк, – приветствовал его

Дронго, не протягивая руки. Он уселся на стул напротив заключенного. – Насчет «соскучился» слишком сильно сказано. Неужели вы полагаете, что я проводил бессонные ночи, думая о встрече?

– Если приехали, значит, очень важное дело, – улыбнулся Хринюк, – иначе вы не посмели бы здесь появиться. Я ведь еще не забыл, кому обязан нахождением в этой пражской тюрьме.

– А я думал, что вы мне благодарны, – сделал вид, что удивился, Дронго. – Вместо того чтобы сидеть в ужасной турецкой тюрьме или вернуться в российскую, вы попали в такие комфортабельные условия. И вместо благодарности вы еще смеете меня попрекать.

– Насчет турецкой тюрьмы не знаю, но вот в российской бы сидел не в худших условиях. Не забывайте о моем статусе, господин эксперт.

– Это уже почти мифы, – живо возразил Дронго. – В странах СНГ уже давно появились совсем другие преступники. Эти молодые наглецы не уважают ни прежних традиций, ни уважаемых авторитетов. За последние годы слишком много подобных званий было куплено за деньги. Они могли отнестись к вам без должного пиетета. Кроме того, сейчас в России идет борьба с коррумпированными чиновниками, и руководство тюрьмы могло проявить некоторую неуступчивость. Честное слово, ваше пребывание в Праге гораздо более комфортное, чем если бы вы находились за Уралом, или

в турецкой тюрьме. Неужели вы смеете это отрицать?

– Теперь понял. Вы приехали ко мне за благодарностью? Может, считаете, что это я остался вашим должником?

– Нет, – ответил Дронго, – у меня нет к вам никаких претензий. Надеюсь, что и у вас ко мне тоже. Каждый из нас выполнял свою работу, и вам немного не повезло. Хотя здесь почти Карловы Вары, настоящий курорт, на котором можно отдохнуть.

– Зачем вы приехали? Вам ведь что-то нужно?

– Да. Приехал предложить вам небольшую сделку. И хотя я не люблю этого слова, особенно с такими «деятелями», как вы, но решил, что можно попробовать...

– Что именно?

– Не спешите. Я полагаю, что слишком много времени провел с американцами, для которых любой судебный процесс это еще и возможность некой сделки между прокурором, судьей, адвокатом и подозреваемым. Поэтому я и решил приехать к вам в Прагу.

– Судя по всему, у вас не просто важное дело, а очень важное дело. Давайте излагайте, а я решу, как мне действовать дальше.

– Насколько мне известно, вы получили шесть лет в этой маленькой стране и чешское руководство не считает возможным пока выдавать вас Украине или России. Все правильно?

– Почти.

– Почти два года вы уже отсидели. При идеальном вари-

анте еще через два года выйдете на свободу. Насколько мне удалось узнать, нарушений режима у вас нет.

– В мои годы это было бы неразумно. Я вообще законопослушный гражданин, – издевательски заметил Хринюк.

– Я помню. Поэтому вас искали сразу в двенадцати странах Европы. Но это мелочи. Итак, вы получили только шесть лет. Но ведь осталась еще масса других недоказанных дел. Например, по Турции, где вы так гениально организовали сразу несколько преступлений. Сколько на вашем счету убитых? Кажется, двое? И чешский суд пока не получил конкретных доказательств вашей вины.

– И вы приехали шантажировать бедного старика? – всплеснул руками Хринюк. – Какая бестактность! Вам мало шести лет, которые я получил?

– Даже много. Я был бы рад, если бы вас отпустили прямо сейчас и со мной. Тогда у вас был бы шанс попасть в украинскую тюрьму лет на сто или двести. Или в российскую колонию.

– Нет, это ужасно. Вы приехали пугать пожилого человека. А у меня больное сердце. Так нельзя.

– Согласен. Именно поэтому считаю наш разговор несколько затянувшимся. Предлагаю следующую сделку. Я навсегда забываю о ваших турецких подвигах и возвращаюсь в Москву, а вы помогаете мне в поисках нужной информации.

– Я так и думал. Вы безнравственный человек, Дронго. А

где честь мундира, где ваши представление о добре и зле? Так нельзя работать, иначе ваши многочисленные поклонники по всему миру будут разочарованы. Вы же не американский сыщик, который привычно идет на сделку. Вы у нас человек совестливый и принципиальный. Я думал, что вы наш современный Эркюль Пуаро, кажется так звали бельгийского придурка, которого придумала Агата Кристи.

– Bravo! – усмехнулся Дронго. – Всегда подозревал, что вы гораздо умнее, чем просто обычный криминальный авторитет. И даже помните о происхождении Пуаро. Только обращаю ваше внимание, что даже он иногда шел на некоторые компромиссы.

– Например? – сразу спросил Хринюк.

– «Убийство в Восточном экспрессе», – напомнил Дронго. – Он ведь точно вычислил сразу двенадцать убийц, но затем решил, что будет правильно сообщить полиции другую версию. Вспомнили? По вашему лицу вижу, что вспомнили. Чтение хорошей литературы делает человека сообразительнее, в этом я был всегда уверен. Насчет «чести мундира» вы вообще неправы. Я ведь частный эксперт. И насчет добра и зла тоже не совсем правы. Вы ведь в Турции сводили счета с представителями другой банды, а не с обычными честными людьми, которых я обязан защищать.

– Ладно. Будем считать, что вы меня убедили. Вы по-прежнему человек принципов и чести, а я продажный старикашка, готовый на все, чтобы через два года выйти отсюда.

Какие у вас вопросы?

– Насколько я помню, Факир был не просто криминальным авторитетом, а профессионалом высшей квалификации. Ваши преступления можно изучать в учебниках криминалистики, – сказал Дронго.

– Вы меня смущаете.

– Нет, это не лесть. Вы действительно большой профессионал. И поэтому я приехал к вам за советом. У ведь ведь должны быть талантливые ученики или последователи. Мне нужен такой человек, его контактный адрес.

– Может, вам еще сдать всех криминальных авторитетов Москвы? – зло спросил Хринюк. – Я вам поражаюсь. Вы тоже не глупый человек. Неужели вы считали, что я могу пойти на такую сделку? Это невозможно.

– Вы меня не поняли. Мне не нужны адреса ваших последователей. Мне нужен конкретный человек, который сможет мне помочь в одном деле. Вот и все. А выбрать такого человека должны именно вы. Он не обязательно должен быть каким-то известным проходимцем, простите за такое грубое слово. Мне нужен только советник, и то на некоторое время.

– В каком деле? – уточнил Хринюк. – Или вы считаете, что если я нахожусь в чешской тюрьме, то уже ничего не знаю. Какое именно дело в Москве вас интересует?

– Убийство арабского коммерсанта. Точнее, не арабского. Они выходцы из Ирана. Его отравили в Москве.

– Из-за этого вы приехали ко мне? – не поверил Хринюк. –

Из-за того, что в Москве отравили какого-то иностранца? Никогда в жизни не поверю, что вы приехали сюда только потому, что отравили этого араба или перса.

– Там большая политика. Это не просто коммерсант, а выходец из известной семьи. И сейчас все завязано на их контрактах. Поэтому дело очень важное. Как видите, я откровенен.

– И дело поручили вам, – понял Хринюк. – Тогда получается, что все действительно очень серьезно. Как его отравили?

– Непонятным образом. Он приехал к себе домой и вошел в квартиру, лег на диван и умер.

– Значит, отравили дома.

– В квартире никого не было. У него была аппаратура. На ней видно, что в квартиру никто не входил.

– Может, отравили в другом месте. Не понимаю, в чем загадка?

– Он приехал на своей машине. А яд был сильнодействующим. Должен был сработать в течение нескольких минут.

– Тогда отравили в машине.

– Водитель и телохранитель уверяют, что погибший ни к чему не прикасался.

– Кто-то из них врет.

– Поэтому я сюда и приехал. Я ведь помню, как ловко работал Факир. Вы убили человека, не входя в его номер гостиницы. Всего лишь обработав ядом дверную ручку. Это

было достаточно, чтобы его убить, не вызывая особых подозрений. Но в нашем случае к дверной ручке никто не прикасался. Я хочу знать, кто в Москве может считаться специалистом равным Факиру?

– Это другой вопрос, – согласился Хринюк. – Я не думаю, что в Москве есть специалист моего класса. Но советчика я вам дам. Очень толковый и знающий человек. При одном условии. Никто и никогда не узнает его имени. Никто, кроме вас.

– Вы могли бы и не говорить мне этого. Это само собой разумеется. Кто это?

– Старый человек. Он даже старше меня на несколько лет. Этот человек сможет вам помочь. Но учтите, что никто и никогда не должен узнать его имени. Ни при каких обстоятельствах. Он никогда не проходил ни по одному уголовному делу. Ни подозреваемым, ни свидетелем. И я могу назвать его имя только потому, что ему осталось жить всего несколько месяцев. Если он захочет с вами разговаривать и вы сумеете его убедить, то вам повезло. Если нет, то не обессудьте.

– Почему несколько месяцев?

– У него онкология. Рак поджелудочной железы. Говорят, что это самая сложная форма, почти не поддающаяся лечению.

– Понятно, – кивнул Дронго. – Он был вашим «казначеем»? Только в этом случае его никто и никогда не мог узнать.

– Нет. Конечно нет. Зачем вам «казначей»? Он только

хранитель денег. Это не тот человек, который вам нужен. Мой «советчик» занимался совсем иными делами.

– Он планировал преступления? – очень тихо произнес Дронго. – Один из тех, кто...

– Храните свои догадки при себе, господин Дронго, – быстро перебил его Хринюк, – и учтите, что многие чехи понимают русский язык.

– Считайте, что я принял ваше замечание. Итак, как мне его теперь найти?

– Дайте ручку и бумагу. Я вам напишу. А вы потом сможете съесть эту бумагу в моем присутствии. Так будет надежнее.

– Это прямо шпионские страсти. А вы не думаете, что за нами могут наблюдать?

– Думаю. Поэтому я напишу совсем не то, что вам нужно, – давайте бумагу и ручку.

Дронго протянул ему ручку и бумагу. Хринюк быстро написал. Затем, прикрывая ладонью бумагу, поднял голову.

– Я уберу руку на одну секунду, – сообщил он, – а затем сам съем эту бумагу.

Он приподнял руку. И снова накрыл ей записку. Дронго успел запомнить все, что там было написано. Хринюк поднял бумагу, смял ее и начал жевать.

– Если хочешь сделать дело хорошо, то сделай его сам, – спокойно сообщил он, – вы видите, на какие жертвы я иду ради вас. Приходится есть даже бумагу. Теперь ее не смогут

даже достать из меня. И учтите, что вы должны звонить ему не из своего дома и не со своего мобильного. Надеюсь, такие вещи вы понимаете лучше меня. А сейчас наклонитесь ко мне.

Дронго наклонился к своему собеседнику.

– Поправка на Турцию, – прошептал тот.

Дронго согласно кивнул.

– Если все будет так, как вы сказали, то в некоторой степени я буду считать вас своим напарником в этом деле, – сказал он.

– Надеюсь, что у вас все получится, – добродушно заметил Хринюк, – хотя я думаю, что вы сумеете все сделать. Если вы смогли найти меня, то неизвестного отравителя найдете тем более. Только последний совет. Учтите, что сейчас нравы несколько изменились. Никто больше не планирует подобных преступлений. Старые профессионалы уходят в прошлое. Сейчас другие времена. Человеческая жизнь и раньше недорого стоила, а сейчас вообще ничего не стоит. У кого появляется хоть немного денег, нанимает убийцу, какого-нибудь бомжа или отставного военного, и за несколько тысяч долларов решает свои проблемы. Глупо и просто. Вы меня понимаете? Только ничего не отвечайте. Достаточно, если вы мне кивнете.

Дронго кивнул во второй раз.

– Значит, вы все поняли, – удовлетворенно сказал Хринюк, – до свидания. Надеюсь, что мы больше никогда не уви-

димся. Мне было бы неприятно снова видеть вас. Два раза – это более чем достаточно. А три – это уже почти дружба, которой я хотел бы избежать.

– Прощайте, – сказал Дронго, выходя из комнаты.

Он понял, что хотел сказать ему Факир. Человек, сумевший спланировать и осуществить убийство Вилаята Ашрафи, не мог быть обычным преступником. И это стало не совсем обычным преступлением, ведь отравитель при желании мог действовать гораздо более примитивным способом. Собственно, об этом он догадывался и раньше.

Вечером он вылетел в Москву, чтобы начать свое расследование.

Глава четвертая

Утром ему позвонил Муса Халил. Адвокат был уже в Москве. Он уже знал о возвращении в Москву Дронго.

– Вы поговорили с нужным вам человеком? – уточнил адвокат.

– Да, я успел заехать в Прагу.

– Не забудьте предоставить мне копии ваших билетов, чтобы мы могли их оплатить, – предложил пунктуальный адвокат.

– Если вы будете требовать от меня столь доскональных отчетов, то боюсь, что я стану думать только о копиях моих счетов, а не об успехе дела. Давайте договоримся так. Все, что у меня потом останется, я вам передам. Что не останется, вы поверите мне на слово. Я просто не привык к подобным ненужным процедурам.

– Но отчетность важная...

– Мы договорились, господин адвокат. Сегодня мне предстоит еще одна важная встреча, после которой я собираюсь встретиться с вашим телохранителем Тауфиком Шукри, который работал с погибшим. Надеюсь, вы его вызвали в Москву?

– Он отсюда никуда не уезжал. Все три месяца живет здесь. У него нет дипломатического иммунитета, поэтому следователь отобрал у него паспорт и ему не разрешают воз-

вращаться в Египет, пока уголовное дело не будет закончено. Он очень переживает из-за этого, ведь дома у него остались молодая жена и годовалая дочь, с которыми он не может увидеться.

– Это понятно. Где находится ваш офис?

– На Краснопресненской, кажется, так называется эта улица.

– Я туда приеду сегодня после полудня. Найдите вашего подследственного.

Он положил трубку. Теперь следовало выйти из дома, чтобы позвонить нужному человеку. Дронго мог бы нарушить данное Факиру слово и позвонить со своего телефона. Но в подобных мелочах он бывал пунктуален. Нельзя давать слово, если собираешься его нарушить. И в конце концов, важно быть честным человеком прежде всего по отношению к самому себе. Поэтому он позвонил водителю, вызвал свой автомобиль и поехал на один из московских вокзалов, чтобы позвонить оттуда. За рулем сидеть он не любил. Эта устойчивая привычка возникла много лет назад, еще в Индонезии, где представление об автомобильном движении было в те годы достаточно примитивным. И очень укрепилось в Египте и в Индии, где понятия автомобильных правил, кажется, вообще не существовали. С тех пор он предпочитал пользоваться такси и нанимать водителей для собственных автомобилей во всех странах, где жил. Это было удобно еще и потому, что он мог спокойно думать в машине, предоставленный самому

себе, и не следить за дорогой.

Он вообще не отвечал всем стандартным правилам настоящего детектива или хорошего разведчика. Не умел хорошо водить машину, почти никогда не злоупотреблял алкоголем, не курил, боялся летать самолетами, хотя побывал почти во всех странах мира, плохо плавал. К числу его достоинств относились интеллект, своеобразное оригинальное мышление, хорошая физическая подготовка, отменное владение оружием. Кроме того, в отличие от всех известных сыщиков, которые когда-либо существовали в истории мировой литературы и частного сыска, он не был обычным статичным героем, раз и навсегда законсервированным в своих привычках и пристрастиях. С годами он менялся, и не всегда в лучшую сторону. Изменялись его привычки и пристрастия, он встречался с женщинами и терял их, он приобретал новых друзей и вспоминал ушедших.

Приехав на вокзал, он позвонил по номеру телефона, который был написан на бумаге «Факира» с поправкой на время Турции, то есть на одну единицу назад, ведь московское время отличалось от турецкого ровно на час. Поэтому цифры, которые написал Хринюк, нужно было менять каждый раз на единицу. Ему сразу ответили, как будто неизвестный ждал его звонка. А может, и ждал. У такого криминального авторитета, как Хринюк, была масса возможностей, даже сидя в пражской тюрьме, суметь донести необходимую информацию до нужного человека.

– Добрый день, – начал Дронго, – извините, что беспокою вас рано утром. У меня к вам привет от Факира.

– Приятно слышать. Как он себя чувствует?

– Мне он не жаловался.

– Значит, хорошо. Он вообще никогда не жалуется. Мы знакомы уже целую вечность.

– Да, он мне сказал. Я хотел бы увидеться с вами.

– Это понятно. Раз он дал вам мой номер телефона. Вы звоните с вокзала? У меня стоит определитель, я знаю серию этих номеров.

– Ваш определитель показывает и звонки с обычных городских телефонов? – спросил Дронго.

– У меня новая система, – радостно сообщил собеседник, – она позволяет мне определять любой телефон, который соединяется со мной. Даже если вы позвоните из другой страны.

– Вы меня убедили. Когда я смогу с вами встретиться?

– Через полтора часа. На Чистопрудном. Вы знаете, где он находится?

– Найду.

– Тогда увидимся на месте. Меня легко узнать, мне уже много лет.

Через полтора часа Дронго, приехав на Чистопрудный бульвар, сразу увидел человека, которого он искал. Высокий мужчина в длинном пальто и шляпе со старомодной тростью неторопливо шел ему навстречу. Ему было явно за семьде-

сят. Вытянутое, продолговатое лицо, серые уже слезящиеся глаза, тонкие губы. Очень большие уши, прижатые к почти лысому черепу. Неизвестный тоже сразу увидел Дронго, очевидно, признав в нем позвонившего от «Факира» человека.

Они подошли друг к другу.

– Добрый день, – еще раз поздоровался Дронго, не протягивая руки, – вы Георгий Аристархович Изумрудов?

– Во всяком случае, так написано в моем последнем паспорте, – ответил Изумрудов, – а как мне называть вас?

– Меня обычно называют Дронго.

– Понятно. Я так и думал. Никто другой не сумел бы переиграть моего друга Факира. Есть такой известный гармонист Петр Дранга, он не ваш родственник?

– Вы же знаете ответ на этот вопрос.

– Мне была интересна ваша реакция, – признался Изумрудов. – Итак, о чем вы меня хотите спросить?

– У меня разрешение только на одно желание? – уточнил Дронго.

– Во всяком случае, я не обещал Факиру, что буду бескорыстно помогать всем, кого он решит ко мне послать. Итак, чем именно я могу вам помочь?

– В Москве три месяца назад отравили египетского бизнесмена. Его нашли мертвым в своей квартире. Эксперты установили, что он был отравлен.

– Виляят Ашрафи, – сразу сказал Изумрудов, – я слышал об этом преступлении. Довольно интересное дело. Очевид-

но, его отравили где-то в другом месте, а домой он вернулся умирать. Так, во всяком случае, я слышал.

– Факир успел сообщить вам об этом деле? – изумленно спросил Дронго. – Или вы действительно знаете все, что происходит в Москве? Неужели такое возможно? Если бы вы сейчас мне не сказали, я бы не поверил.

– Вы же понимаете, что ответа не будет, — усмехнулся Изумрудов. – Расскажите, что вам известно.

– Яд был исключительно сильнодействующим, – пояснил Дронго. – Виляят – представитель очень известной семьи, и по их просьбе вскрытие производили лучшие патологоанатомы ФСБ. Это был необычный яд. И поэтому я решил обратиться к вам за помощью.

– Это я уже понял, – кивнул Изумрудов.

Они неторопливо прогуливались. Со стороны могло показаться, что беседуют двое знакомых мужчин.

– Я могу сказать вам, что ни один из известных мне специалистов в этой области не был задействован в убийстве египетского бизнесмена, – сообщил Изумрудов. – Там действовал либо приглашенный гость, либо специалист в области ядов. Я думаю, вам нужно искать среди специалистов такого уровня. В химических институтах.

– Это уже более чем полезная информация, – пробормотал Дронго.

– Насколько мне известно, убитый был человеком достаточно богатым и сибаритом, – продолжал Изумрудов, – нуж-

но искать организаторов убийства в этой среде. Он любил богему и разные тусовки, как сейчас говорят молодые люди.

– Поразительно, – сказал Дронго. – Если бы я сам вас не слышал, то решил бы, что мне рассказывают невероятные истории. Я прилетел вчера вечером и ни с кем еще не разговаривал. И рано утром позвонил вам. Даже если предположить, что Факир каким-то абсолютно неизвестным способом сумел передать вам за ночь свое сообщение и оно так быстро дошло до вас, то и тогда вы не сумели бы так оперативно собрать всю информацию. Тогда я должен сделать единственный и абсолютно фантастический вывод, что вы работаете лучше, чем информационный центр МВД или аналитическое управление ФСБ. Если бы я вас не встретил, то никогда бы не поверил, что подобные люди существуют. Это ведь такие, как вы, планируют большинство самых сложных и изощренных преступлений в стране?

– Не нужно так категорично, – добродушно заметил Георгий Аристархович, – просто я пожилой человек и мне бывает интересно разговаривать с разными людьми, которые приходят ко мне за советом. А информацию такого рода лучше хранить у себя в голове. Сейчас ученые пришли к выводу, что работающий мозг – лучшее средство для долголетия. Вот я и пытаюсь обмануть природу.

– Это вам удается. Сколько вам лет? Под семьдесят?

– Восемьдесят два, – улыбнулся Изумрудов, – будем считать, что я оценил вашу небольшую лесть. Надеюсь, вам при-

годится моя осведомленность. И последний совет. Больше никогда не пытайтесь меня найти или позвонить. Телефон у меня уже поменялся. Еще полтора часа назад. Сразу после того, как вы мне позвонили.

– Я понимаю, – тихо ответил Дронго, – простите, что доставил вам такие неудобства. У меня есть еще один личный вопрос. Не относящийся к делу. Только для себя. Личный вопрос. Разрешите?

– Если не конкретный вопрос, то зачем вы его задаете? Я могу и не ответить. Какой у вас вопрос?

– Факир сказал мне, что вы неизлечимо больны и только поэтому он дал мне ваш номер телефона.

Изумрудов усмехнулся. Прошел несколько шагов. Затем взглянул на Дронго:

– В общем, он сказал вам правду. Дело в том, что сразу после нашего разговора я должен буду «умереть». В течение суток или двух. И в этом городе больше никогда не будет Георгия Аристарховича Изумрудова. У меня уже сейчас другой номер телефона. В моей квартире будет жить другой человек, а Изумрудова похоронят на одном из городских кладбищ, и на могиле будет даже моя фотография. Поэтому он так и сказал.

– Неужели у вас столь абсолютная конспирация? Я всю жизнь занимаюсь организованной преступностью, но даже я не мог предположить, что существуют такие люди, как вы, господин Изумрудов.

Дронго обратил внимание на автомобиль, который следовал за ними на некотором расстоянии. В затемненном джипе сидело несколько молодых людей. Еще двое крепышей шли за ними по другой стороне улицы. Неужели это сотрудники правоохранительных органов?

– Мы уже реликты прошлого, – признался Георгий Аристархович, – сейчас появились компьютеры, Интернет, мобильная связь. Такие люди, как я, уже никому не нужны. Ни своим, ни чужим. Мы становимся просто опасными для своих и не нужными для чужих. Просто обо мне еще помнят такие «динозавры», как Факир. И, к сожалению, некоторые дошные сотрудники правоохранительных органов из тех, кого не успели выгнать за последние пятнадцать-двадцать лет.

– Ясно. Значит, я причинил вам определенные неудобства. Приношу свои извинения.

– Ничего страшного. Я все равно должен был менять свой адрес. Время от времени нужно менять прописку. Это помогает оставаться на свободе, дышать свежим воздухом. Прощайте, господин Дронго. Хочу сделать вам на прощание и свой комплимент. Я много о вас слышал. Говорят, что вы неплохой специалист. И человек, с которым можно договариваться. Постарайтесь не меняться как можно больше. Это тоже полезно для здоровья.

– Я уже обратил внимание, как за нами следят сразу с двух сторон, – заметил Дронго.

– Конечно следят. Если бы вы оказались не тем челове-

ком, который разговаривал с Факиром, то эти ребята сразу бы начали стрелять.

– В меня?

– Нет, в меня, – ответил Изумрудов, – моя голова еще набита такими ценными сведениями, что их не следует выдавать сотрудникам правоохранительных органов. Поэтому в какой-то мере Факир был прав, когда говорил о моей возможной болезни. Только в самом сложном случае у меня был бы хотя бы один шанс на выздоровление. А если бы вы привели с собой сюда сотрудников милиции, такого шанса у меня не осталось бы. Ни единого. И если даже предположить, что каким-то чудом меня сумели бы здесь арестовать и я избежал бы смерти, то уже сегодня вечером меня бы убили в камере, как бы хорошо меня ни охраняли. Даже если бы меня посадили в одиночную камеру, то и тогда меня убил бы кто-то из офицеров милиции или ФСБ, которому заплатили бы огромные деньги за мою ликвидацию. Я носитель слишком ценной информации. Чтобы меня устранить, многие готовы заплатить не один миллион долларов. Достаточно того, что я знаю имена некоторых «казначеев», которые никто и никогда не должен знать.

– Я начинаю чувствовать себя должником Факира, – пробормотал Дронго. – Спасибо за то, что со мной встретились. И прощайте.

– Прощайте, – кивнул Изумрудов.

Дронго быстро перешел на другую сторону улицы. Его

провожали взгляды сразу нескольких молодых людей. Изумрудов стоял, опираясь на палку, словно памятник прежней жизни. Дронго вспомнил, на кого был похож этот удивительный человек. В его лице было что-то чеховское. «О чем я думаю? – разозлился Дронго. – Сравниваю великого писателя с криминальным авторитетом. Хотя наверняка Изумрудов в жизни не совершал ничего плохого. Его берегли, как своеобразный мозг, который всегда нужен криминальной братии. Как «хранителя традиций». Кажется, у кавказских цеховиков были такие «третейские судьи», которые решали все споры, возникающие между разными сторонами. И их решения считались обязательными для всех. Но цеховиков давно уже не было. Одних расстреляли, другие ушли в легальный бизнес, третьи стали обычными уголовниками.

Дронго подумал, что получил сегодня наглядный урок. Он приехал на встречу с адвокатом в третьем часу дня. В офисе фирмы его уже ждал телохранитель убитого бизнесмена.

Глава пятая

Тауфик Шукри учился в Москве в лихие девяностые, когда уровень преступности в столице зашкаливал за привычные нормы добропорядочных европейских столиц. Приехав сюда в девяностом пятом, египтянин уехал через шесть лет. За это время он не только выучил русский язык и получил диплом инженера-мостостроителя, но и узнал другую сторону жизни. Он был хорошим спортсменом и дважды это спасало ему жизнь, когда ночью на него набрасывались группы молодых скинхедов. С профессиональным боксером справиться вообще трудно. Достаточно несколько точных и сильных ударов, чтобы раскидать всех нападающих. К тому же он не бросал занятия спортом и трижды становился чемпионом института в своей весовой категории. Ему даже разрешили один раз принять участие в международных соревнованиях и выступить за свою страну, где он занял третье место. Он приучился к водке, которая так согревала во время непривычных российских морозов, у него появились друзья среди местных ребят – из Краснодара и Махачкалы.

Тауфик Шукри полюбил этот огромный, часто не совсем понятный город, населенный таким количеством разных людей, среди которых было и много мусульман. До приезда в Россию он даже не подозревал, что в столице есть мусульманские мечети и местным единоверцам разрешают их по-

сещать. Ему нравились просторные улицы и площади Москвы, красивые женщины, которых здесь было так много, особенно в окружении его погибшего шефа. И он любил своего бывшего босса, с которым работал уже больше двух лет. Тауфик Шукри в душе даже немного восхищался своим шефом, стараясь быть похожим на него.

Убийство Вилаята Ашрафи стало для него большим личным потрясением. К тому же он никак не мог понять, каким образом неизвестный убийца мог отравить его босса. Единственным подозреваемым мог быть водитель погибшего – Петр Голованов, который был арестован почти сразу после заключения патологоанатомической экспертизы.

Но Тауфик Шукри не верил в виновность и Петра Голованова, с которым он тоже работал почти два года. Голованову было сорок четыре года. Это был спокойный, уравновешанный, рассудительный человек, отец двоих мальчиков-подростков. Представить себе его убийцей Тауфик Шукри не мог при всем желании. Но тогда получалось, что смерть его босса невозможно было логически объяснить, и оставалось предположить, что сам дьявол хотел смерти Вилаята Ашрафи.

Приехавший сюда полтора месяца назад голландский специалист досконально опросил всех возможных свидетелей, дважды обыскал квартиру погибшего. Провел несколько экспертиз, но так ничего и не добившись, уехал обратно. Теперь Тауфик Шукри уже не верил в возможность установления

истины. Дьявол, или иблис, как его называли в Египте, иногда устраивает подобные вещи, когда никакого разумного рационального объяснения случившемуся дать невозможно. А домой Тауфику очень хотелось. Он скучал по своей молодой супруге, по своей дочери. Но появление Дронго встретил спокойно, сидя на диване и скрестив руки на груди. Он уже не верил, что новый эксперт сможет что-либо выяснить.

Дронго вошел в кабинет, где телохранитель его ждал, и сразу протянул руку. Тауфик Шукри поднялся с дивана. Он был высокого роста, почти таким же, как и вошедший незнакомец. Перебитые уши и нос сразу выдавали в нем боксера. Щегольские тонкие усики придавали несколько нагловатый вид.

– Добрый день, – начал Дронго по-русски, – насколько мне успели сообщить, вы понимаете русский?

– Хорошо понимаю, – кивнул Тауфик Шукри.

Вошедший следом за Дронго Муса Халил подошел к столу, усаживаясь в кресло, словно давая понять, кто именно здесь хозяин положения. Формально он был прав, это был кабинет самого погибшего, в котором наиболее уверенно мог чувствовать себя адвокат семьи Ашрафи. Кабинет был большой, мебель тяжелая и, на взгляд Дронго, излишне претенциозная. Массивные кресла, стулья, диван, встроенные шкафы из очень дорогого красного дерева. Такие кабинеты были у преуспевающих коммерсантов средней руки, которые пытались произвести впечатление. Хотя необходимо было де-

лать ставку и на менталитет погибшего. На Востоке такой кабинет был символом успешного бизнеса.

– Давайте сядем и поговорим, – предложил Дронго. – Вы давно работали с погибшим?

– Около двух лет, – сообщил Тауфик, – но я учился в Москве шесть лет и поэтому хорошо знаю город и русский язык.

– Да, об этом мне сообщили. За это время какие-нибудь конфликты или недоразумения встречались? Когда вам пришлось бы применить свои способности телохранителя?

– Нет, никогда. Господин Виляят Ашрафи, да примет Аллах его душу, никогда не посещал каких-либо мест, где ему могла угрожать такая опасность. Он понимал, что является представителем великой семьи.

– Можно подумать, что вы не ездили в клубы или на вечеринки? – уточнил Дронго.

– Ездили, – кивнул Тауфик, – но мы посещали очень элитные клубы, где всегда была своя охрана. В обычные места господин Виляят никогда не ездил. Только в очень дорогие клубы, куда пускали не всех желающих. И на вечеринки он отправлялся только к очень уважаемым людям.

– Каким образом вы различали, где очень уважаемые, а где просто мало уважаемые? – улыбнулся Дронго.

– Это легко, – ответил Тауфик, – во-первых, я знаю Москву, во-вторых сразу видно, куда мы приехали. Нужно посмотреть на телохранителей, вокруг дома, на дорогие авто-

мобили, на женщин, входящих в здание, как они одеты, какие у них бриллианты и украшения. Все сразу становится понятно.

– Значит, вы у нас почти психолог, – весело кивнул Дронго. – Судя по всему, ваш шеф был человеком достаточно компанейским и не пропускал светских мероприятий.

– Господин Виляят Ашрафи работал в Москве нашим представителем, – предостерегающе вмешался адвокат Муса Халил, – и если он иногда позволял себя отдохнуть, то это ничего не значит. А посещение светских мероприятий входит в обязательную программу любого бизнесмена такого уровня.

– Успокойтесь, – посоветовал ему Дронго, – мы сейчас не рассматриваем моральные качества погибшего и не пытаемся его осудить. Он был молодой и очень состоятельный человек, который имел право на личную жизнь. Все, что я буду узнавать, мне нужно для расследования, а не для того, чтобы где-то обнародовать факты из личной жизни Виляята Ашрафи.

– Вы должны понимать, – снова не выдержал Муса Халил, – семья Ашрафи Мостоуфи не просто представители одного из самых известных родов Ирана, они были родственниками изгнанного из Ирана шаха. И компрометация такой семьи может отвечать интересам некоторых кругов в Иране, которые боятся возвращения прежнего режима.

– Я учту ваши слова, – кивнул Дронго. – А теперь мне ин-

тересно, с кем ближе остальных общался погибший? Я имею в виду прежде всего женщин.

– У него было много знакомых, – осторожно сказал Тауфик Шукри, посмотрев на адвоката и отводя глаза.

– Так не пойдет, – сказал Дронго, заметил взгляд телохранителя, —я приехал сюда для расследования убийства, а не для того, чтобы вы от меня что-то скрывали. Если я снова почувствую какую-то недомолвку или вы попытаетесь что-то от меня скрыть, то я прямо отсюда позвоню уважаемому Аббасу Ашрафи, чтобы объявить о прекращении расследования, вследствие того, что мне здесь просто мешают работать.

– Никто вам не мешает, – нервно заявил адвокат, – можете спрашивать все, что угодно.

– А ты говори ему все, что он хочет, но в рамках приличий, – добавил он по-арабски, обращаясь к телохранителю.

– Итак, я узнавал про женщин, – напомнил Дронго. – У него было много знакомых?

– Да, – кивнул Тауфик Шукри, – много.

– Женщины бывали у него дома. На той квартире?

Телохранитель молчал.

– Я спрашиваю не для личного интереса, – напомнил Дронго.

– Да, – ответил Тауфик Шукри.

– Он поэтому переехал из отеля на квартиру, чтобы не привлекать внимание служащих отеля?

– Да, – опустил голову телохранитель, – он любил женщин. И он им нравился. Я видел, как они на него смотрели. И как сами к нему лезли.

– Ну еще бы. Молодой миллиардер из Египта, – иронично заметил Дронго. – Я думаю, что его внешность и манеры интересовали многих женщин гораздо меньше, чем размеры его кошелька.

– Что вы такое говорите, – снова вмешался Муса Халил, – господин Ашрафи никогда не прибегал к услугам продажных женщин.

Судя по лицу телохранителя, это было неправдой.

– Помолчите, вы мне мешаете, – попросил Дронго. – Значит, у погибшего были разные женщины?

Тауфик Ашрафи снова замолчал. Это начинало нервировать. Если разговор продолжится подобным образом, то ничего узнать не удастся. Дронго подумал, что ему понадобится решить этот вопрос раз и навсегда. Он достал свой телефон и набрал номер Аббаса Ашрафи глядя по очереди на адвоката и телохранителя. Услышав голос старшего брата погибшего, он попросил своего собеседника приказать всем сотрудникам филиала компании в Москве предельно искренне отвечать на все вопросы эксперта.

– Мне нужно их сотрудничество, – сообщил Дронго, – иначе я не смогу ничего сделать.

– Вам мешают работать? – уточнил Аббас Ашрафи.

– Скорее не помогают. Они считают, что сохранение мо-

рального облика вашего младшего брата гораздо важнее самого факта расследования.

– Передайте телефон Мусе Халилу, – попросил Аббас Ашрафи.

Дронго протянул аппарат адвокату.

– Сделайте так, чтобы мне больше он не звонил и не беспокоил меня, – строго приказал Аббас Ашрафи, – и дайте ему все, что он хочет. Любые сведения, любые справки. Уже поздно что-то скрывать, прошло почти три месяца. Нам нужно найти убийцу, а не скрывать наши никому не нужные тайны. Ясно?

– Я все понял, – пробормотал адвокат, возвращая аппарат.

– Господин Аббас Ашрафи приказал отвечать на все вопросы эксперта, – строго произнес он, глядя на телохранителя.

– Мне придется повторить свой вопрос, – напомнил Дронго. – Значит, у погибшего были разные женщины?

– Да, – ответил Тауфик, – к нему приезжали разные женщины.

Для приехавшего сюда голландца это было нормальным явлением. Его даже не интересовали сексуальные увлечения погибшего. Может, потому, что сам приехавший имел несколько другую сексуальную ориентацию и для голландца подобные связи были в порядке вещей. Поэтому он менее всего обращал внимание на эту сторону жизни погибшего.

– В том числе и проститутки? – настаивал Дронго.

– Да, – покраснел Тауфик, – приезжали разные женщины. Некоторым он платил, некоторые появлялись по собственному желанию.

– Среди них были постоянные посетительницы его квартиры?

Тауфик огорченно вздохнул, словно его призывали предавать хозяина.

– Были, – ответил он.

– Их имена, – попросил Дронго.

Телохранитель поднял голову.

– Они не имеют отношения к убийству, – твердо сказал он, – никакого отношения. В день убийства и за день до этого никто из них не посещал квартиры досточтимого хозяина. Никто из них там не был.

– Вы не ответили на мой вопрос, – повторил Дронго.

– У него были свои близкие друзья, – подтвердил Тауфик Шукри, – которые приезжали чаще других. Наталья Кравченко, она журналист, и Рита Эткинс, она представитель канадского телевидения. Я говорил про них и следователю и приехавшему голландскому специалисту. Насколько мне известно, их обеих вызывали к следователю, но они ничего не знали об этом убийстве. И голландец тоже с ними разговаривал. Они ничего не знают.

– Очевидно, эти две журналистки были теми женщинами, которых вам разрешили назвать, – усмехнулся Дронго, – в результате жесткого отбора, который мог произвести наш ува-

жаемый адвокат. У вас есть номера их телефонов?

– У секретаря есть их номера, – кивнул Тауфик Шукри, – я могу их взять для вас.

– Обязательно. Я хотел бы с ними переговорить. А теперь назовите другие имена. Женщины, которые чаще всех приходили в гости к вашему боссу и которые получали за это соответствующую плату.

– Иногда приходили и такие женщины, – кивнул несколько смущенный Тауфик Шукри.

– Имена, – требовательно произнес Дронго.

– Их ничего не связывало, – попытался объяснить телохранитель. – С обеими журналистками он близко дружил, а с этими девицами его ничего не связывало, кроме секса. Абсолютно ничего. Он вызывал их, платил им и снова отсылал. Даже давал деньги на такси, чтобы они не садились в наши машины.

– Настоящий джентльмен, – согласился Дронго, – куда он обычно звонил?

– У него были свои связи, – ответил Тауфик Шукри, – и свои номера телефонов. Он знал, куда нужно звонить.

– И вы, очевидно, тоже. Куда он обычно звонил?

– Одной своей знакомой.

– Ее имя?

– Лаура. Лаура Манкузо.

– Неужели итальянка или испанка?

– Я не знаю.

– У вас есть ее номер телефона? Только смотрите на меня, а не на адвоката. Отвечайте.

– Конечно есть.

– Прекрасно. И среди тех, кого иногда приглашал ваш шеф, наверно были и девицы, которые ему особенно нравились?

– Были, – кивнул Тауфик Шукри. Он уже понял, что этот человек настойчиво идет к своей цели и лучше, не сопротивляясь, говорить всю правду.

– Кто?

– Одна из них появлялась чаще других. Я знал только ее имя. Эвелина. Больше ничего. Но она бывала чаще других.

– Вы знали, сколько ей платил ваш шеф?

– Сначала не знал, потом случайно узнал.

– Сколько?

– Две тысячи долларов за ночь. Но они почти никогда не оставались на ночь.

– Почему они? – сразу спросил Дронго.

Тауфик отвел глаза. Облизнул губы. Было понятно, что он оговорился.

– Как вам не стыдно, – сразу пришел к нему на помощь адвокат. – Разве можно интересоваться такими интимными вопросами?

– Почему вы оговорились и сказали «они»? – снова настойчиво повторил Дронго. – У него бывали оргии или вечеринки прямо на квартире?

– Никогда не бывали, – выдохнул Тауфик Шукри, – но он любил... в общем, он так встречался... Мы об этом знали...

– Постарайтесь внятно объяснить, что именно вы имеете в виду, – попросил Дронго.

– Он любил, когда женщина была не одна, – выдавил телохранитель, краснея от смущения.

– Вам достаточно или нужны еще подробности? – снова вмешался Муса Халил. – И не забудьте, что об этом не должен никто знать. Это была личная жизнь господина Вилаята Ашрафи.

– Ему нравилось, когда к нему приходила не одна женщина? – безжалостно уточнил Дронго.

– Да, – ответил телохранитель, – он часто так делал, встречаясь сразу с двумя или тремя женщинами.

– Одновременно? Они приходили одновременно?

– Иногда да, – признался Тауфик Шукри.

– Надеюсь, вы понимаете, что эта информация не имеет никакого отношения к убийству уважаемого господина Ашрафи и должна остаться в тайне, чтобы не компрометировать такую семью, – напомнил адвокат.

– Безусловно, – согласился Дронго, – а друзья? С кем из мужчин он больше всего общался?

– Он никогда не общался с мужчинами, – изумленно ответил телохранитель.

– Это я понимаю. Я неудачно выразился. Я имею в виду не друзей для интимных игр, а вообще друзей. С кем он виделся

и разговаривал чаще других?

– Со мной, – честно ответил Тауфик Шукри, – мы были почти всегда вместе. С господином адвокатом Мусой Халилом, всегда когда нужно было подписывать документы. С руководителем московского филиала Николаем Савельевичем Крастуевым, который готовил ему все нужные бумаги.

– Крастуев сейчас здесь, в офисе? – обратился к адвокату.

– Да, конечно. Он работает в компании уже несколько лет, – ответил Муса Халил, – и считается руководителем нашего представительства в России.

– А какая должность была у погибшего?

– Он был членом совета директоров компании и вице-президентом. В совете директоров он отвечал и за российское направление.

– Кто по национальности Крастуев? Такая интересная фамилия?

– Он с Северного Кавказа, – сообщил адвокат, – но не мусульманин. Кажется, он буддист.

– Калмык?

– Возможно. Мы принимаем людей невзирая на их религиозные или национальные отличия. В нашей головной компании в Египте работает много арабов-христиан и коптов. Мы не видим в этом ничего предосудительного.

– Безусловно. А теперь, уважаемый Тауфик, расскажите мне подробно, как вы провели последний день с шефом. Желательно очень подробно, чтобы я мог составить себе четкое

впечатление, где именно вы были. Начнем с того, кто пригласил вас на выставку, куда вы поехали из вашего офиса?

– Это был официальный прием. В «Крокус-центре», – сообщил телохранитель, – у нас было официальное приглашение. Следователи тоже интересовались этим вопросом. Мы знали, что там нужно быть к двенадцати. Выехали в начале одиннадцатого, чтобы не попадать в автомобильную пробку, и все равно попали. С трудом успели туда к двенадцати. Там было много людей.

– Ваш шеф что-нибудь пил?

– Только апельсиновый сок, – ответил Тауфик Шукри, – я сам принес его, забрав со стола стакан и лично выбирая его из всех стаканов, которые стояли на столике. Это входит в мои обязанности, и я никому не доверял этот стакан. Больше он ничего не пил. Я сам отнес пустой стакан обратно.

– Может, с кем-то здоровался?

– С очень многими людьми. Здоровался, разговаривал, смеялся. Потом мы сели в машину. У нас большой, как это правильно называется, представительский шестисотый «Мерседес». Господин Виляят Ашрафи всегда садился на заднее сиденье, а я был впереди рядом с водителем. И пока мы ехали в город, он ничего не пил, хотя в салоне автомобиля у нас всегда есть напитки, виски, коньяк.

– Вы уверены, что он ничего не пил? Может, кто-то сумел отравить одну из бутылок, которые были в баре вашего автомобиля.

– Их проверяли эксперты. Все бутылки были на месте и все были закрытые. Он ничего не пил, в этом я уверен.

– И не курил?

– Нет. Он вообще не курил. У нас не было в машине сигарет.

– Что было потом?

– Мы подъехали к дому, нам открыли ворота. Мы въехали во двор. Я вышел вместе с ним, вошли в подъезд. Обычно он меня отпускал уже внизу, ведь в холле всегда сидел дежурный охранник. А в квартире была установлена аппаратура, которая, как это правильно, замечала, нет, правильно сказать фиксировала всех, кто там появлялся. И у дежурного тоже была своя камера наблюдения на этаже. Кроме того, он записывал всех, кто входит в дом. Поэтому я обычно с хозяином не поднимался. Он меня отпустил, вошел в кабину лифта, поднялся к себе. Я стоял около дежурного и все видел. Господин Виляят Ашрафи открыл двери своим ключом и вошел в квартиру. После чего я уехал. Через два часа мне позвонили и сообщили, что мой хозяин умер еще два часа назад и там работают сотрудники милиции. Я сразу поехал туда.

– А где был ваш водитель?

– Он тоже туда приехал. И очень переживал. Но нас не пустили в квартиру. Никого из нас не пустили. А через два дня арестовали Голованова. Следователь считает, что наш водитель сумел каким-то образом отравить хозяина. Но я в это не верю.

– У них были основания?

– Они нашли в салоне автомобиля какой-то порошок. И поэтому арестовали Голованова.

– Какой порошок?

– Не знаю.

Дронго взглянул на адвоката.

– Мы тоже не знаем, – пожал плечами Муса Халил, – они говорят, что это тайна следствия, и ничего нам не сообщают.

– Почему вы сразу не сказали об этом?

– О чем мне нужно было вам говорить, если это только одни слухи. Об этом сказала супруга Голованова, с которой общался Тауфик Шукри. Но ничего точнее мы не знаем. Машину нам вернули, мы там ничего не нашли.

Глава шестая

– Позовите Крастуева, – предложил Дронго, обращаясь к телохранителю. Тот кивнул, быстро поднимаясь и выходя из кабинета.

– Я начинаю жалеть, что взялся за это расследование, – нахмурился Дронго. – Почему вы ничего не сказали мне про этот белый порошок? Он принимал наркотики?

– Как вы смеете такое говорить? – всплеснул руками от возмущения Муса Халил. – Господин Виляят Ашрафи никогда в жизни не принимал наркотиков. Он представитель такой известной семьи. Вы даже не смеете об этом думать.

– Я не сказал, что он принимал наркотики. Я только спросил, почему вы ничего не сообщили мне об этом непонятном порошке.

– Мы ничего точно не знаем. Это одни слухи. Следовательно нам ничего не сообщил. И наш специалист из Голландии тоже ничего не нашел. Мы тщательно проверили машину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.